

Я улыбнулась:

— Мне всё равно, что она говорит. То, что ты писала за меня, я показывала отцу с матушкой, и они находили это прекрасным, даже наградили меня разными вещами.

С этими словами я, словно случайно вспомнив, открыла серебряную шкатулку с узором летучих рыб и достала оттуда маленького нефритового небесного танцора:

— Кстати, ты столько раз писала за меня, а я так и не отблагодарила тебя как следует. Эта безделушка — подарок от отца. Материал не лучший, но работа тонкая. Возьми, поиграй.

Я долго выбирала в хранилище и нашла наконец эту вещь. Материал-то был отменный, высшей пробы, жаль — на краю скол, оттого и цена упала. Я даже помнила, как тот скол появился: я попала сюда прямо из утробы, несколько месяцев мучилась в темноте, не зная, жива ли, где нахожусь. Едва родившись, очутилась в мире совершенно чуждом, с иными обычаями и речью, да ещё в теле беспомощного младенца. Оттого и нрав был буйный: сначала отказывалась от груди, а когда насильно кормили — пиналась, кусалась, орала без устали. Матушка, наслушавшись, что младенцев легко сглазить, приказала изготовить множество золотых, серебряных и нефритовых оберегов. Этот нефритовый танцор был среди них. Мне приглянулась его изящность, я на время уняла рёв и принялась с ним играть. Но, осознав, что поддалась его чарам, в ярости швырнула его в матушку — тогда я ещё не ведала, что матушка моя станет будущей императрицей Цзэтянь. Я лишь жаждала вывести её из себя, надеясь, что она меня приберёт, а я, быть может, вернусь назад. Но в тот день замысел провалился: матушка, получив удар в висок, не разгневалась, а, наоборот, прижала меня к груди и заплакала, что-то шепча сквозь слёзы. Я тогда ещё не понимала здешней речи, но, увидев её лицо — беспомощное, совсем не такое, каким она взирала на придворных и слуг, — вдруг смягчилась и затихла.

Больше я того танцора не видела, не знала и кто убрал его в моё хранилище. Увидев сейчас, вспомнила былое. Думала, нахлынет ностальгия, но, попытавшись припомнить прошлую жизнь, обнаружила, что почти всё стёрлось. Если б кто сказал теперь, что эта жизнь — подлинная, а та — лишь сон, я бы не смогла возразить. Ведь настоящее моё — здесь, в самом сердце великой Тан, а прошлое стало призрачным и недостижимым.

Я решила подарить этот нефрит Вэй Хуань — не слишком дорогой, чтобы не бросался в глаза, но и не убогий, — чтобы она могла продать его и немного поправить дела. Конечно, нельзя было дать ей заподозрить мои намерения, а то снова решит, что я её жалею.

Вэй Хуань, услышав, что это благодарность за эссе, усмехнулась:

— Госпожа сейчас молода, потому мои потуги ещё проходят. Шэнжэнь с вашим величием хвалят их, глядя на свою младшую дочь. По сути же, мои познания и в десятую долю ваших не тянут. А уж когда вы начнёте учиться у талантливой Ваньэр и у академиков, я и вовсе отстану.

Говорила она спокойно, без прежней горечи, но мне претила эта уничижительность. Я сунула ей в руки и шкатулку, и нефрит, слегка рассердившись:

— Дарёному не смотрят в зубы, а ты ещё рассуждаешь. Не каждый же день прошу тебя за меня писать. Отказываешься — словно не хочешь служить.

Она не ожидала такой резкости, открыла рот, но я прикрыла его ладонью, строго сказав:

— Молчи.

Она моргнула, ресницы дрогнули. Вид её, такой пленительный, смущал меня. Я прикрикнула:

— И не моргай.

Она фыркнула прямо мне в ладонь, дыхание щекотало кожу.

— Чему смеёшься? — спросила я.

Она покачала головой, ткнув пальцем в свои губы — напоминание о запрете говорить.

Пришлось убрать руку, сделав грозный вид:

— Разрешаю говорить.

Она снова рассмеялась, и я заметила, как на левой щеке проступила маленькая вертикальная ямочка. Странно, столько времени рядом, а никогда не замечала. Неужели только сейчас проявилась?

Но скоро поняла причину: стоило улыбке сойти с её лица, как ямочка исчезала. Значит, появлялась она лишь при сильном смехе. Но новый вопрос: только что она не так уж сильно смеялась, почему же ямочка показалась?

Загадочная Вэй Хуань, — подумала я с досадой, уставившись на неё. Вэй Хуань, встретив мой взгляд, снова улыбнулась — ямочка мелькнула и скрылась. А она уже серьёзно говорила:

— Скоро начнутся настоящие занятия, госпожа. Вам бы повторить старые книги, написать пару листов иероглифов, чтобы быть готовой к вопросам вашего величества и академиков.

Хотя я училась у Ваньэр в боковом зале и не слышала от отца с матушкой прямых рассказов о делах управления, слухами о политике постепенно наполнялись и мои уши. Здоровье отца то улучшалось, то ухудшалось, он редко появлялся на переднем дворе. А если и выходил, то чаще сидел в стороне, дожидаясь, пока чиновники обсудят дело, и лишь говорил «одобряю» или «не одобряю». Зато ко мне заходил часто, внезапно спрашивая о прочитанном. Если не отвечала — хохотал, если отвечала — щедро одаривал. Иногда, когда приходили наследный принц с Ли Жуюем, отец подзывал их и рассказывал нам о прошлом: как наследный принц в детстве был милосердным — однажды, когда подали список смертников, а он стоял рядом, не выдержал, потянул отца за рукав и сказал: «Казнят ведь для исправления, а смерть неискоренима. Умоляю ваше величество дать им шанс». Все чиновники восхваляли его доброту, лишь Вэй Шулинь возразил: «Казнят не только для исправления, но и для устрашения потомков. Потому за преступление должно быть наказание, за заслугу — награда», — и настаивал на казни. Как Ли Жуй в детстве был озорником и бегал дразнить сановников. Как я в младенчестве не любила, чтобы меня брали на руки чужие, и однажды шестилетний Ли Жуй попытался поднять меня, а я дала ему пощёчину... Обычно такие беседы заканчивались отцовским вздохом: «Старею я, а вы молоды. Братья должны жить в любви, не ссориться по пустякам. Второй сын, присматривай за младшими. Шестой, Сыцзы, вы тоже — не только озорничайте, но и старшего поймите».

От этих слов у меня всякий раз холодело внутри. Неужто отец так плох, что говорит подобное? Но ещё страшнее было другое: тревожась за его здоровье, я невольно начинала обдумывать последствия. Если отец умрёт, наследный принц, как старший сын, много лет утверждённый в своём сане, взойдёт на престол по праву. Он давно в делах управления, у него свои люди, в этом году и вовсе правил вместо отца. Если он станет императором, у матушки не будет законных оснований для регентства. А она, зная её характер, не отдаст власть просто так.

Тогда начнётся борьба между императрицей и императором, и чем она кончится — неизвестно. Ли Жуй и я, как самые близкие, неминуемо окажемся втянуты. Чувствовала, как меняюсь: перед лицом возможной смерти родного человека первой мыслью была не скорбь, а расчёт. Желая отцу здоровья не из дочерней любви, а из страха за себя. Иногда утешала себя, что такая перемена к лучшему, иногда же пугалась до бессонницы. Ночью не могла уснуть без Вэй Хуань. Видя её, не испытывала особых чувств — лишь хотелось смотреть на неё, звать по имени. Она, такая стойкая и умная, выросшая в трудных условиях, наверняка разбирается в подобных делах. Обсуди я с ней свои страхи — много бы поняла. Но каждый раз мысль оставалась мыслью. Одно дело — то, о чём нельзя говорить даже с самыми близкими. А Вэй Хуань... Вэй Хуань — и вовсе другое.

<http://bllate.org/book/16278/1466365>